

- ⁶ Новгородцев П. И. Соч. М., 1995. С. 305.
- ⁷ Новгородцев П. И. История философии права. М., 1897. С. 165–166.
- ⁸ Новгородцев П. И. Из лекции по общей теории права. М., 1904. С. 12.
- ⁹ Трубецкой Е. Н. Указ. соч. С. 63.
- ¹⁰ Новгородцев П. И. История философии права. С. 161–162.
- ¹¹ Трубецкой Е. Н. Указ. соч. С. 68–69.
- ¹² Кистяковский Б. А. Методологическая природа науки о праве // Радбрук Г. Введение в науку права. М., 1915. С. XV.
- ¹³ См.: Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 384–385.
- ¹⁴ Новгородцев П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. С. 352.
- ¹⁵ Михайловский И. В. Очерки философии права. Томск, 1914. Т. 1. С. 82.

Г. Н. Мокшин

КОНЦЕПЦИЯ “НАРОДА” В СОЦИАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДОКТРИНЕ РУССКОГО НАРОДНИЧЕСТВА

Отмена крепостного права в феврале 1861 г. поставила в центр внимания правительства и всего русского общества вопросы о народе, его материальных средствах и умственном развитии, об истинном смысле его прошедшей истории и существенных потребностях в настоящем. “Все, кому дороги судьбы и интересы русского государства и народа, очень хорошо знают и понимают, — писал о пореформенном времени К. Д. Кавелин, — что от экономического, умственного и нравственного состояния 4/5 народонаселения зависит весь наш быт. В каком положении находятся крестьяне, в таком положении будут и образованные классы”¹.

Революционный лагерь, как известно, подвергал реформаторскую деятельность правительства уничтожающей критике. “Пусть земство, общества сельских хозяев, правительственные комиссии, — читаем у П. Л. Лаврова, — толкут воду, говорят речи и пишут отчеты об “улучшении крестьянского быта”, о “содействии сельскому хозяйству”... Жалкие орудия жалкого общества; они не хотят, да и не могут посмотреть прямо в глаза вопросу... Он будет поставлен и решен другими”². Народники не без оснований полагали, что при существовавших тогда экономических условиях добиться коренного улучшения в положении крестьянства было невозможно. Народный вопрос по преимуществу социальный и, по их мнению, требовал для своего решения перестройки всего общественного здания и установления в нем

нового порядка, исключаящего эксплуатацию человека человеком. Поэтому свою основную задачу русские радикалы видели в том, чтобы поднять крестьянство на социальную (социалистическую) революцию.

Где же истоки и в чем подлинный смысл твердой убежденности революционной интеллигенции в возможности перехода загадочного русского сфинкса-народа из стадии натурального хозяйства в высший социалистический строй? С нашей точки зрения, ответ на этот вопрос требует выяснения рационального содержания народнических воззрений на народ и пути его социального освобождения.

В литературе о революционном народничестве, несмотря на ее обилие, задача изучения концепции "народа" как теоретически обоснованной системы взглядов, по сути, не ставится и даже термин такой практически не употребляется³. В то же время современные исследователи часто подчеркивают незнание интеллигенцией объекта своего интереса и уличают ее в подходе к народным массам по принципу долженствования. "Крестьянство, каким его рисовали себе народники, — пишет, например, В. Г. Хорос, — и реальное крестьянство не совпадали почти ни в чем"⁴. Складывается впечатление, что революционеры нарочно, в угоду своим теориям, выдумали общественные инстинкты мужика и всячески превозносили прочность разлагающихся устоев общинной жизни и патриархального крестьянского мира. Так ли это было на самом деле?

Приступая к анализу интересующей нас проблемы, мы прежде всего должны обратиться к рассмотрению тех идей, которые составляют основу народнической концепции народных масс. Таковыми являются представления народников о дефиниции "народ", свойствах (качествах) его характера и исторических функциях. Именно на этих моментах акцентировали они свое внимание при обращении к народу.

Революционеры 1870-х гг. выступали решительными противниками иллюзий по поводу национальной солидарности общества, отождествления народа с нацией как чисто духовной категорией вне зависимости от материальных условий жизни. Стержень их концепции — типология общественных классов, критерием которой выступали интересы, связанные с имущественным положением различных социальных групп. Известные подпольные издания "Народное дело", "Вперед", "Набат" доказывали, что в России и вне ее общество подразделяется на два непримиримых лагеря: с одной стороны, эксплуататоры в лице заводчи-

ков, помещиков, купцов, кулаков, дворянства и духовенства, с другой — рабочий люд, охватывающий собой все ремесленное, фабричное и земледельческое население. По убеждению революционной интеллигенции, именно низшие неимущие и угнетенные слои общества (так называемое "простонародье"), уделом которых являлся тяжелый физический труд, и представляли собой настоящий народ⁵. При этом народники не исключали того, что не все собственники, так же как и служители религии, науки и бюрократического аппарата, являлись тунеядцами. Тем не менее единственным производителем признавался работный народ, который "кормит и поит целый класс бесполезных ему и вредных паразитов"⁶.

Применительно к России теоретики "активного" народничества говорили прежде всего о русском народе — крестьянском общинном населении страны. За это либеральная пресса нередко обвиняла их в пристрастии исключительно к великорусской народности и игнорировании материальных и духовных устремлений остальных⁷. Конечно же, народники не отрицали многонационального состава России, наличия у каждого народа своего быта, земледельческого строя и права внутреннего самоуправления. Но это не помешало им утверждать, что для социалистов нет "ни национальностей, ни расовых разделений, все мы живущие в России русские", подчеркивая тем самым общность классовых интересов всего рабоче-крестьянского простонародья Российской империи⁸.

Целостность и сплоченность "работного мира" обосновывались также сохранением в нем, в отличие от господствующих классов, самобытного экономического строя, культуры и особой нравственности, основанной на земледельческом труде⁹.

Представления о крестьянстве как о какой-то особой духовной силе, массе с известными стремлениями обусловили особый интерес революционной интеллигенции к основополагающим чертам характера простонародья. "Русский мужик, — отмечал Я. В. Стефанович, — исключительно земледелец, а потому в отношении его к земле и должен сказаться основной дух народа, задатки того или другого его будущего"¹⁰. Основы идеального мужицкого строя составляли: "местное самоуправление, достигающее наивысшее развитие в федеративном казачестве", "равенство", "свобода совести и слова", "построенная на прочном базисе экономической независимости, какую дает крестьянину его право на землю"¹¹. В особом общинном духе и идеалах крестьянства, развитых в нем всей предшествующей его историей, и увидели наши теоретики инакомыслия истоки русского

народного коммунизма — воплощения самых "отрадных" свойств его характера.

Для многих революционных народников, знавших народ не понаслышке, были очевидны и "темные" моменты народной жизни. Тот же Я. В. Стефанович писал, что мужик полон всевозможных предрассудков ("верит в бога и только в религии ищет объяснение всему, что его окружает; считает царя своим благодетелем и возлагает на него свои надежды; он деспот в семье и бьет жену")¹². Однако на его недостатки представители всех народнических течений смотрели как на нечто наносное и временное, целиком относя их на счет тлетворного влияния русского государства. Это оно "давит народ... обдирая его, превращая в какую-то рабочую скотину, держа его в голоде, холоде и безвыходной нищете...; оно ставит его в необходимость все свои помышления обращать на добывание гроша денег и куска хлеба, жертвуя при этом и своим достоинством и правильными понятиями; оно охолопливает его обезземеливанием, завистью, вечным давлением всевозможного начальства, военной и школьной дисциплиной — оно развращает народ тысячью средств, одно другого страшнее и безобразнее"¹³.

Данное положение народа всегда угнетало русскую интеллигенцию, но отнюдь не обескураживало ее. Вот что замечает по этому поводу П. Н. Ткачев в своем открытом письме к Ф. Энгельсу: "Наш народ привык к рабству и покорности — этого, правда, нельзя оспаривать. Но из этого вы не должны заключать, что он доволен своим положением. Нет, он протестует, и протестует непрерывно... будь это форма религиозных сект — "раскола"... или форма отказа от уплаты податей, или форма восстаний и открытого сопротивления власти, — все же он протестует, и порой весьма энергично". "Протесты эти, — продолжает П. Н. Ткачев, — правда, незначительны и разрозненны. Тем не менее они в достаточной степени показывают, что народу невыносимо его положение и что он пользуется всякой возможностью, чтоб дать выход накопившемуся в нем чувству горечи и ненависти к своим притеснителям. И потому русский народ можно назвать инстинктивным революционером, несмотря на его кажущееся оупение, несмотря на отсутствие у него ясного сознания своих дел"¹⁴. Революционные народники никогда не упускали из виду эти "светлые полосы" народного характера и жизни, находя в них бесчисленные доказательства того, что "народ не утратил еще сил протестовать", что "народные исторические идеалы живучи, как и сам народ", что "душа народная никогда не умирала, как и не умирала его вера в правду на земле"¹⁵.

Идейные противники действенного народничества неоднократно заявляли, что самодержавный характер русского государства в конечном счете определялся характером самого народа, который боготворил своего царя и был, безусловно, предан идее государства¹⁶. Позиция народников в этом вопросе была диаметрально противоположной. Революционеры-разночинцы полагали, что "история создается взаимодействием народа и правительства, причем за народом остается гораздо большая доля влияния". До сих пор народные массы из-за своего невежества и неорганизованности почти всегда были низшими орудиями власти или стремящихся к ней революционеров. Однако народники были искренне убеждены, что при помощи интеллигентного меньшинства массы сумеют подняться до ясного осознания своих интересов и вступить в активную борьбу за изменение наличного порядка экономических отношений¹⁷.

Надо сказать, что народники не были единодушны в определении соотношения роли народа и интеллигенции в предстоящей революции. Но вместе с тем все они прекрасно понимали, что "против класса может воевать только класс" и что без поддержки масс революционное меньшинство никогда не добьется поставленных перед ним целей¹⁸. Конечной же целью революционной интеллигенции было желание сделать народ "вершителем своей судьбы" как важнейшего залога действительной его свободы, счастья и благополучия. "Мы, революционеры, — заявляли, например, народовольцы, — в самых утопических своих планах всегда обращались к народу как верховному распорядителю своих судеб, постоянно ставили его волю выше всех своих идеалов"¹⁹.

Разумеется, все эти народолюбивые заверения не оградили революционное народничество от критики в его адрес со стороны современников и ближайших потомков. За что же упрекали народников? Прежде всего за подход к народу с точки зрения готовых априорных теорий с их особой системой экономических и нравственных толкований начал народной жизни, сущность которых — "жалкое творение себе кумира по образу и подобию своему". Следствием этого явился односторонний подбор фактов, изолированное рассмотрение объекта исследования и как общий итог — идеализация народа, доходящая до его религиозного обоготворения, и в то же время высокомерное отношение к нему как к объекту "спасительного воздействия", и попытки "мудрствовать" над народными массами²⁰.

В качестве примера подобной критики можно привести ста-

тью сотрудника либерального "Вестника Европы" Л. А. Полонского. Истоки "несуразностей и теоретических неясностей" народнического учения он увидел в тайном пристрастии русской интеллигенции к западноевропейским идеалам социализма (в частности, к его анархической фракции). По словам этого "нового оппонента", мыслители-революционеры утверждают, будто основная идея их уже гнездится издавна в умах русского народа, будто она только подслушана ими. На деле же она вовсе не подслушана у него, так как была провозглашена на Западе людьми, которые никакого общения с русским народом не имели, да и придумывали свои теории вовсе не специально для русского народа, а для всемирного рабочего пролетариата. "...Народу хотят навязать готовую теорию — коммунизм и анархию вольных общин... А чтобы призываемые к "рекрутской повинности социализма"... не усомнились как-нибудь (в безнадежности предприятия. — Г. М.), то их стараются уверить, что идеалы эти уже лежат в основе народного ума, что, стало быть, стоит только поднести фитиль, а порох готов и готов в огромном количестве"²¹.

Приведенные выше "обвинения" были хорошо известны революционным народникам и не могли не вызывать соответствующей реакции в революционной печати²². Как же сами они объясняли свои взгляды?

Во-первых, народники воспринимали свою борьбу с существующим строем как отголосок на чрезвычайные страдания народа и его недовольство своим положением. "Оглянись вокруг себя, читатель, — призывала газета "Вперед". — Раскрой пошире глаза и вслушайся. Видишь? Перед тобою мерно раскачивается громадный маятник, оставляя после каждого своего размаха непрерывный кровавый след. Слышишь? С каждым стуком его сливается море отчаянных воплей, стонов, рыданий..."²³. Но естественное в развитом человеке чувство сострадания к униженным и оскорбленным — это, конечно, не единственный мотив для революционной борьбы. Часть вины за невыносимые условия жизни основного населения страны радикальная интеллигенция возлагала на себя, так как она выросла и получила образование на "средства, насильственно отобранные у народа" и поэтому обязана возвратить их обратно, "помогая ему вести борьбу против его политического и экономического рабства"²⁴. Отсюда вытекала идея неоплатного долга интеллигенции перед народом и особая нравственная окраска всего народнического движения.

Еще одна важная причина активизации русской интеллигенции заключалась в ее вере в социальный прогресс, вершиной

которого тогда считалось построение социалистического общества. При этом революционеры не скрывали, что именно восприятие идей социализма (благая весть "социалистического евангелия") подтолкнуло молодежь в направлении народа, открыв перед ним и всю бездну народных страданий, и новое видение его исторической миссии²⁵.

Свою приверженность к социалистическим идеям народники обосновывали ссылками на первобытный коммунизм сельских общин. Народ они считали "почвой русского социализма", так как он был материально заинтересован в создании общества свободного труда. В сочувствии крестьянства идеалам "Земли и воли" семидесятники видели лучшее доказательство целесообразности своей революционной деятельности²⁶.

Ученые давно уже осознали ошибочность представлений о стихийном стремлении народа к социализму. На протяжении столетий крестьянство боролось за землю, разумное перераспределение ее между ним и помещиками и волю, в основе представлений о которой лежала идея мужицкой "монархии" без дурных чиновников и жадных феодалов²⁷. Смысл этой борьбы состоял в укреплении парцеллярного хозяйства в рамках существующего строя, а не в его революционном преобразовании, как утверждали многие теоретики народничества. Правда, при этом не следует забывать, что революционное народничество апеллировало главным образом к потенциальным возможностям масс, реализация которых, как главное доказательство их существования, зависела от определенных обстоятельств. Так, социалистические наклонности крестьянства могли полностью проявиться лишь при изменении (причем в ближайшее время!) экономических основ существующего строя²⁸.

Народники, безусловно, преувеличивали положительное значение общины как зародыша нового типа социального устройства. Но является ли это доказательством того, что их представления о формах народного быта носили ирреальный характер? Если мы обратимся к материалам земской статистики крестьянских хозяйств за 90-е гг. XIX в., когда капитализм в России утвердился достаточно прочно, то обнаружим факты поистине парадоксальные. В процессе переделов земли и в эти годы одним из ведущих мотивов оказывался крестьянский закон жизни миром²⁹. И как быть с тем, что общинная система владения землей, которую, с точки зрения народников, "можно искоренить только насильственными мерами"³⁰, успешно пережила и столыпинскую аграрную реформу, и Октябрьскую революцию и

была действительно ликвидирована лишь в ходе сплошной коллективизации начала 30-х гг.³¹

Многие современные авторы отмечают, что марксисты слишком преувеличивали мелкобуржуазный характер русского крестьянства. В пореформенные десятилетия, в условиях проникновения в деревню капиталистических отношений, в крестьянстве неизбежно происходит разрушение традиционных идей и представлений, "оживают" частнособственнические инстинкты, на первый план выходят организационно-хозяйственные нужды, возникает желание стать зажиточнее и независимее. Но мы не должны модернизировать этот процесс, так как кризис патриархального сознания "приобрел затяжной характер ввиду многочисленных пережитков крепостничества в экономических и политических отношениях"³². Не случайно такой знаток сельской общины, как Б. Н. Миронов, высказал предположение, что одна из важнейших причин ограниченности буржуазных реформ второй половины XIX — начала XX в. заключалась "в прочности устоев крестьянской семьи и общины", в противоречии этих реформ традиционному укладу народной жизни³³.

Таким образом, причины народнической веры в социалистические и революционные потенции русского народа нельзя объяснить одним только утопическим характером мышления радикальной интеллигенции (подход к действительности по принципу долженствования, механическое сцепление произвольно подобранных "позитивных" и "негативных" факторов и т.д.). Смысл идеализации народа революционными народниками состоит не в беспочвенной его мифологизации под влиянием воспринятых на Западе социалистических идеалов, а в одностороннем преувеличении реальных черт, сторон, граней народного быта, сознания, истории. Экономическая и социально-политическая отсталость страны, недовольство разночинской интеллигенцией правительственным и административным произволом, ее оторванность от народа и затрудненный доступ к нему — вот что в итоге обусловило и само появление в России радикальных общественных теорий, и их особый народнический оттенок.

¹ Кавелин К. Д. Крестьянский вопрос // Вестник Европы. 1881. № 3. С. 45.

² Гниль старого и рост нового // Вперед. 1875. № 6. С. 182.

³ См.: Плимак Е. Г., Пантин И. К. Драма российских реформ и революции: (Сравнительно-исторический анализ). М., 2000; Троицкий Н. А. Крестonosцы социализма. Саратов, 2002; Карпачев М. Д. Разночинская интеллигенция как феномен политической культуры пореформенного време-

ни // Освободительное движение в России: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2003.

⁴ Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России. 1783–1883 гг. М., 1986. С. 244.

⁵ См.: Народное дело. 1870. № 2. С. 1; Вперед. 1875. № 6. С. 173; Набат. 1876. № 9. С. 5.

⁶ Революционное народничество 70-х годов XIX века. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 166–167.

⁷ См., напр.: Об изучении русского народа // Отголоски. 1881. № 5. С. 697.

⁸ См.: Вперед. 1875. № 16. С. 505; Община. 1878. № 5. С. 4.

⁹ См.: Земля и воля. 1878. № 2. С. 8; Община. 1878. № 2. С. 15.

¹⁰ Стефанович Я. Наши задачи на селе // Община. 1878. № 8–9. С. 34.

¹¹ [Тихомиров Л. А.] Передовая статья // Земля и воля. 1879. № 5. С. 1, 2.

¹² Стефанович Я. Указ. соч. С. 34.

¹³ Тихомиров Л. А. Указ. соч. С. 2.

¹⁴ Ткачев П. Н. Избранные сочинения на социально-политические темы: В 4 т. М., 1933. Т. 3. С. 91.

¹⁵ [Ланганс М.] Внутреннее обозрение // Литература партии "Народная воля". М., 1930. С. 85.

¹⁶ См.: А. П. [Пыпин А. Н.] Умственное развитие русского народа // Вестник Европы. 1870. № 1. С. 353; Очерки русско-народных воззрений // Отголоски. 1881. № 18. С. 645–646; Герье В. И. Понятие о власти и о народе в наказах 1789 года // Исторический вестник. 1884. № 2. С. 389–390.

¹⁷ [Плеханов Г. В.] Закон экономического развития общества и задачи социализма в России // Земля и воля. 1879. № 3. С. 1; Бакунин М. А. Моя защита // Избранные философские сочинения и письма. М., 1987. С. 249.

¹⁸ Земля и воля. 1878. № 1. С. 5; Литература партии "Народная воля". С. 93.

¹⁹ Литература партии "Народная воля". С. 47.

²⁰ См.: А. В. [Введенский А. И.] Несколько слов об идеалах русского народа // Дело. 1886. № 8. С. 49–50; Н. В. Народность и народничество // Вестник Европы. 1888. № 2. С. 858–859; В-н А. [Пыпин А. Н.] Еще о теориях народничества // Там же. 1893. № 2. С. 760, 787; Муретов Д. О понятии народности // Русская мысль. 1916. № 5. С. 114.

²¹ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1878. № 12. С. 839–841.

²² См.: Письмо к графу К. И. Палену // Вперед. 1875. № 16; Речь Мышкина // Община. 1878. № 1; [Клеменц Д. А.] Новый оппонент // Земля и воля. 1879. № 3 и др.

²³ Вперед. 1875. № 8. С. 231.

²⁴ [Аксельрод П. Б.] Переходный момент нашей партии // Община. 1878. № 8–9. С. 23.

²⁵ Революционное народничество 70-х годов XIX века. С. 206, 208.

²⁶ Вперед. 1875. № 16. С. 494. См. также: Шлико Л. К характеристике движения начала 70-х годов: (Из личных воспоминаний) // Русское богатство. 1906. № 10. С. 84.

²⁷ См.: Гутнова Е. В. Некоторые проблемы идеологии крестьянства эпохи средневековья // Вопросы истории. 1966. № 4. С. 61–62.

²⁸ Возможность социалистического развития русской общины при условии помощи пролетариата Запада не отрицали и основоположники марксизма. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 545–546; Т. 19. С. 401.

²⁹ См.: Итоги экономического исследования России по данным земской статистики. М., 1892. Т. I. С. 137–138.

³⁰ Стефанович Я. Указ. соч. С. 35.

³¹ См.: Данилов В. П. Община у народов СССР в послеоктябрьский период // Народы Азии и Африки. 1973. № 3. С. 46; Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). М., 2000. Т. 1. С. 450, 527.

³² Подробнее см.: Кабылов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство: Этапы духовного освобождения. М., 1988. С. 35.

³³ См.: Миронов Б. Н. Семья: Нужно ли оглядываться в прошлое? // В человеческом измерении. М., 1989. С. 236–237.

Л. В. Лаенко

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПРИРОДА ЗРИТЕЛЬНОГО ОБРАЗА

Познавательная деятельность глубочайшим образом связана с существованием и функционированием особого социально-культурного мира предметов — посредников, обладающих определенными визуальными характеристиками. Но для каждого очевиден факт существования субъективного мира его собственного сознания, являющегося неотъемлемой принадлежностью субъекта и отличного не только от мира реальных объектов, но и от внешних предметных, объективно выраженных действий субъекта. Л. С. Выготский высказал идею, которая затем легла в основу многочисленных теоретических и практических разработок А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурия, П. Я. Гальперина, А. В. Запорожца, В. В. Давыдова, В. П. Зинченко и др. о том, что внутренние психические процессы возникают как следствие “интериоризации”, т. е. “вращивания”, перехода во внутренний план тех действий субъекта, которые первоначально осуществляются во внешней форме и направлены на внешние предметы. Совершаясь во внешней форме, деятельность предполагает сотрудничество, кооперацию с другими людьми и использование общественно-исторически сформированных средств и способов, закрепленных в виде системы предметов-посредников. В процессе интериоризации внешние действия подвергаются специфической